

Василий Налимов как гностик

Доклад на конференции ОТО 2015 года

*"Гностицизм не боялся давать ответы
на любые вопросы о мироздании.
Будда в ответ на некоторые вопросы ограничивался
«благородным молчанием»...
Гностицизм – это отнюдь не одно монолитное учение,
а целая система учений, созданная разными людьми,
основателями разных направлений.
Даже в пределах одного направления появлялось много ответвлений...
Такая творческая активность в создании и разветвлении учения –
явление совершенно необычное для религиозных систем,
стремящихся к консерватизму –
обереганию высказываний первосоздателя...
Сейчас, пытаясь реконструировать в своём воображении
обстановку, в которой развивался гностицизм,
хочется представить себя братством людей,
в котором каждый размышлял над проблемами бытия,
исходя из общей для всех предпосылки об отчуждённости человека.
Результаты этих медитаций формулировались в виде
философских и поэтических построений...
Гностики пытались построить макротеории,
осмысливая жизнь в её духовном плане.
Это, если хотите, дерзкая попытка понять смысл
и целеустремлённость всего мироздания...
Их проникновение в глубины человеческого духа удивительно...
И вот гностики поднимаются до представления
о Боге как о Несуществующем..."*

(Налимов В. В.
«Вглядываясь в далекое прошлое».
Рукопись 1975-76 гг. ¹)

Русский математик, исследователь математических моделей в естественных науках и философии, науковед, разработчик теории научного эксперимента, вероятностной модели языка, поклонник и последователь учения мистического анархизма, интегральный философ и гностик Василий Васильевич Налимов (1910–1997) входит в число отечественных мыслителей, чье творчество и мировоззрение являются совершенно недооцененными современниками в его эзотерической и – особенно – в гностической части. Это тем более несправедливо, учитывая три важных обстоятельства.

Во-первых, в годы жизни Налимова практически никто в СССР из-за крайней степени идеологической цензуры, начиная с середины 30-х годов и вплоть до позднеперестроечного 1989 года (до выхода сборника «Апокрифы древних христиан» с переводом ключевого для гностиков «Апокрифа Иоанна»), даже не пытался действительно объективно описать гностическую идею и серьезно истолковать

гностическую философию, а затем, уже описав и истолковав их, воздать им должное в сугубо оценочном плане (во всяком случае, такие работы не сохранились, да и сам Налимов в те годы вынужден был писать многие свои философские труды «в стол», опубликовав их уже после краха СССР, и то не все).

Во-вторых, цена слова Налимова тем более высока, что Высшие Силы, если мы примем на веру их существование, словно специально оставили его в живых почти до наших дней после астрономического количества лет, проведенного им в советском ГУЛАГе (и в ссылке), куда он попал за «членство в антисоветской организации мистических анархистов» в 1936 году и где провел, в общей сложности, почти 18 лет вплоть до своей реабилитации во время «бериевской амнистии» 1953 года, после смерти Сталина. Сейчас, когда как отравленные грибы после кислотного дождя расплодились «научные труды», в которых «доказывается», что якобы именно гностицизм сыграл с «культурным кодом» русской цивилизации злую шутку, «не позволяя российским гражданам пытаться изменить к лучшему социум, в котором они живут», особенно уместно вспомнить Налимова, который, по всей видимости, и смог выжить и заниматься научной и – что особенно важно – общественной и просветительской деятельностью именно потому, что опирался на духовную силу гностического христианства (как в древнем, так и в современном его изводах), которое он знал и высоко ценил.

В-третьих, в лучших теософских традициях конца 19-го века, позднее, к сожалению, почти полностью утраченных, Налимов личным примером убеждал своих читателей и слушателей в том, что наука и мистицизм, при условии анти-догматического подхода к обеим формам познания реальности, вполне могут ужиться друг с другом, при этом не посягая на сферу компетенции друг друга, но взаимно дополняя друг друга как составляющие человеческого мировоззрения. Более того, у Налимова это получалось убедительнее, чем у теософов, которые все были именно оккультистами. А Василий Васильевич был *в первую очередь* ученым.

Начиная с 1999 года и по сей день в России прошли уже несколько весьма представительных Налимовских Чтений (точнее – четыре), а в 2011 году – еще и конференция в МГУ, профессором которого Налимов долгие годы являлся, приуроченная к 100-летию со дня его рождения, но, судя по опубликованным сборникам материалов всех этих мероприятий, на них очень мало говорилось о Налимове именно как о гностике.

В то же время люди, лично и близко знавшие Налимова, как раз не склонны недооценивать гностическую составляющую его мировоззрения. Так, политэмигрант и философ Владимир Багрянский писал в Facebook в 2011 году:

«Василий Налимов был не просто выдающимся учёным-энциклопедистом – прежде всего он был философом редкостной глубины и широты мысли, устремлённой к универсальному духовному синтезу всех современных знаний. Вечным архетипом таких мыслителей остаются философы-тантрики эпохи расцвета древнеиндийской культуры 8-12-го веков н.э. (Нагарджуна, Сараха, Тилопа, Наропа, Раджанака Абхинавагупта), а в европейской культуре более позднего времени – такие мыслители, как Леонардо да Винчи или Исаак Ньютон. Но самому Налимову ближе всего были, пожалуй, *гностицистские мыслители* Средиземноморья эпохи Эллинизма, которых он особенно любил, ценил и тщательно изучал...»²

Кратко остановимся на биографии Василия Налимова. Он потомственный ученый – сын профессора-этнографа Василия Петровича Налимова, в 1939 году, в возрасте 42 лет умершего в Сыктывкарской тюрьме НКВД, судя по всему, не выдержав пыток. В 1929 г. 19-летний Василий Васильевич поступил на математическое отделение физико-

математического факультета МГУ, но, не получив диплом, был вынужден работать не совсем по специальности – во Всесоюзном электротехническом институте и в Институте контрольно-измерительных приборов. В 1926-29 гг. посещал лекции кружка мистиков-анархистов в Музее Кропоткина в Москве. В 1930 году, после ареста костяка организации, не побоялся принять посвящение в «восточные тамплиеры» (Орден Света) и продолжал посещать его собрания уже на частных квартирах. В 1936 году арестовывают и Налимова, он получает 5 лет заключения, однако вместо освобождения следуют еще два заключения. Фактически, на свободе он остается только считанные дни в 1949 году. После того, как ему пришлось 18 лет провести в колымских лагерях (а также в казахстанской ссылке), в том числе на «шарашке», где НКВД заставлял его заниматься научной работой уже забесплатно, Налимов вернулся в Москву и с 1955 г. стал работать редактором в Институте научной информации АН СССР. В 1957 г. В.В. Налимов с разрешения Всесоюзной аттестационной комиссии без вузовского диплома защитил кандидатскую диссертацию. С 1959 г. по 1965 г. он работал в Государственном институте редких металлов, в 1963 г. защитил докторскую диссертацию. В 1965 г. по предложению академика А.Н. Колмогорова перешел в МГУ на должность заведующего отделом математической теории эксперимента в новой межфакультетской лаборатории статистических методов, где проработал 10 лет. В 1975 г. Отдел был преобразован в лабораторию математической теории эксперимента и переведен на биологический факультет МГУ, где В.В. Налимов и проработал до последних дней жизни. Налимов опубликовал около 300 статей и 30 книг, многие из которых издавались на английском, немецком, французском, польском, венгерском и арабском языках, причем четыре его философских книги были изданы по-английски в США. Он был также членом редколлегии ряда научных журналов и около 40 лет занимался преподавательской деятельностью.

Важно помнить о том, что Налимов, «последний русский тамплиер», как его называли исследователи, оказался единственным представителем тайных мистических или гностико-эзотерических кружков, который, выйдя из советских концлагерей (что само по себе удавалось немногим узникам, особенно севшим еще до начала Второй мировой войны) не просто прожил еще целых 40 лет после выхода на свободу, а продолжил полноценно жить, творя свою Волю (защитив кандидатскую и докторскую диссертации и продолжив научную работу). Мистический анархизм, или восточное тамплиерство, за которое он и претерпел от властей, Налимов оценивал как комплексную, мистико-социальную производную от античного, христианского гностицизма. Вот что писал Налимов в своей философско-автобиографической книге «Канатоходец» о гностицизме в его связи с мистическим анархизмом и персонально с его российском основателем Алексеем Александровичем Солоновичем (1887–1937):

«Несколько слов об истории мистического анархизма в России... Кажется, созрело время и для этой темы. Говорить о ней непросто. Своими корнями она уходит в далёкое прошлое гностического христианства, а может быть (в соответствии с преданием), ещё и в прошлое Древнего Египта. В России развитие мистического анархизма, или, как ещё иногда говорили, мистического акратизма, связано прежде всего с именем профессора Аполлона Андреевича Карелина (1863–1926)... В 1917 году он вернулся в Россию после многолетней вынужденной эмиграции (в Париже). Известный американский историк анархизма Аврич... называет Карелина советским анархистом, поскольку он в течение ряда лет возглавлял небольшую группу анархистов ВЦИКа. Это была «группа наблюдателей» в Верховном органе власти. Задачей группы была гуманизация всего происходящего, борьба против смертной казни и террора вообще»³.

Широко известно влияние гностической философии на преимущественно дореволюционную культуру Серебряного века в России. Однако, судя по всему, в

раннесоветские годы это влияние было еще более мощным. Потому что этому способствовало бурное развитие поначалу еще легального анархизма в целом и его мистической ветви в особенности.

Василий Налимов описывает эту ситуацию следующим образом:

«Здесь в оценках надо быть, конечно, очень осторожным. Мне передавали слова А.А. Карелина о том, что возрожденное гностическое христианство, трансформировавшееся у нас в мистический анархизм, нигде в зарубежных странах не получило такого широкого отклика, как в нашей стране. К этим словам можно добавить, что, по-видимому, оно нигде не подвергалось и таким суровым гонениям. Нужно признать, что мы жили и продолжаем жить в крайне разнородной и разноликой стране, в которой пришло в соприкосновение слишком много различных культур Востока и Запада. Единства — подлинного единства — не удалось добиться ни царскому режиму, ни его большевистским восприимникам»⁴.

«Его [т.е. мистического анархизма] внутренняя жизнь может быть почти полностью охарактеризована теми же словами, которыми мы... описали древний гностицизм. Существовало братство, интенсивная творческая деятельность каждого происходила и внутри и вне его. Она находила свое выражение в театральной деятельности, в создании художественных произведений, философских трудов общесоциальной и исторической тематики. Я лично хорошо был знаком с работами А.А. Солоновича. Сохранилось 13 его философских тетрадей (было 59 ученических и 5 толстых). Помню еще и такие его труды: *Христос и христианство* (не сохранившийся вне архивов спецслужб 200-страничный машинописный труд – А.М.), курсы лекций *Элементы мировоззрения* и *Мистический анархизм* и фундаментальный труд *М. Бакунин и культ Иальдабаофа за два последних тысячелетия*. Бакунина он считал не только политическим деятелем, но и философски ориентированным мыслителем. Так воплощался принцип *делания*, направленный на расширение духовного знания, в эпоху, когда оно всячески подавлялось господствующей идеологией атеистического единомыслия»⁵.

Из самиздатского трехтомника Солоновича 1926-27 гг. «Бакунин и культ Иальдабаофа...», о котором упоминает Налимов в процитированном выше тексте (в 1930 году, очевидно, окончательно превратившегося из машинописной книги в тома вещественных доказательств «антисоветской деятельности» восточных тамплиеров-гностиков, и, таким образом, ставшего совершенно недоступным для внешнего исследования), сохранилось для широкой публики лишь три фрагмента, процитированных в обвинительном заключении ОГПУ 1930 года⁶. Из этих фрагментов, *если они не сфальсифицированы следствием*, а не только из самого названия книги, можно сделать вывод о том, что книга в целом была манифестом не мифологического, но, скорее, *политического гностицизма*. Однако в лекциях по мистическому анархизму, которые читал Солонович в московском Музее Кропоткина и которые посещал молодой Василий Налимов в конце 20-х гг., как раз никакой «реальной» политики, судя по всему, и не было. Вот что говорил об этом сам Василий Васильевич в своем докладе «Напоминание о А.А. Солоновиче» на Международной конференции «500 лет гностицизма в Европе» в Библиотеке иностранной литературы в Москве 26 марта 1993 года:

«Вокруг Солоновича, насколько я знаю, действительно не было никакой политической группировки в нынешнем понимании. Я никогда не слышал там обсуждений текущих политических тем. Большинство из нас даже не выписывало газет. Проблемы ставились и обсуждались иначе – шел поиск ответов на вопрос о будущем культуры, о месте человека в Универсуме, о возможности существования человека, свободного от насилия.

В дискуссиях могли принимать участие все желающие, а не только анархисты. Я бы рискнул сказать так – около Солоновича возникал Вольный Университет или, может быть,

Академия Платоновского типа, главная идея которой – обучение широкому видению мира. Шла подготовка гуманитарно ориентированного интеллигента, открытого восприятию духовных достижений иных культур... Особое внимание уделялось гностицизму, философскому аспекту христианства, известному тогда только по отдельным фрагментам и устным преданиям. (Одновременно велась подготовка в плане эзотерическом, основанная на так называемых «легендах», которые, как утверждалось, сохранились в устной передаче от времен древнеегипетского и раннехристианского гностицизма, а также орденового тамплиерства. Но это уже были тексты инициации)»⁷.

В дальнейшем сегодняшнем изложении следует, впрочем, остановиться не только на неогностической, «анархо-тамплиерской», так или иначе исследовавшейся хотя бы в «нулевые» годы (например, в том же трехтомнике «Орден российских тамплиеров»), стороне мировоззрения Налимова, но и на *строго* гностической его стороне. И здесь мы вновь возвращаемся к «Канатоходцу». Вот что писал в нем Василий Васильевич о гностицизме *как таковом*:

«На современном языке... мы бы сказали так: мировоззрение гностицизма – это явление многомерное: отдельные его вероятностно взвешенные составляющие корреляционно связаны. Связь эта не является устойчивой, она определяется активным наблюдателем, изменяющим при восприятии весовую структуру отдельных составляющих. Именно эта гибкость даёт учёным возможность находить параллели современной мысли с гностиками далёкого прошлого. Существенно, конечно, и то, что в обоих случаях – настоящем и прошлом – мыслители на глубинном уровне своего сознания опираются на одни и те же архетипы. Одна из привлекательных особенностей гностицизма именно в том и состоит, что в нём нашло своё наиболее полное воплощение архетипическое наследие, без каких-либо догматических ограничений. Гностицизм в многообразии своего видения мира, по-видимому, является наиболее *свободной* мировоззренческой системой»⁸.

В то же время, говоря о Христе, Налимов часто более осторожен, понимая, что изначальная письменная традиция христианства, лишь спустя десятилетия ставшая собственно «гностической», не позволяет получать о Спасителе стопроцентно достоверные данные. Так, в своей статье «Воспоминания. Об истории мистического анархизма в России», 1993 г., он пишет:

«Считал ли Иисус себя Мессией? [...] Размышляя об этом, хочется предположить, что предания были записаны, видимо, в первообщине невысокого интеллектуального уровня. Ее задачей было редуцирование события мирового уровня к локальной – чисто национальной задаче. Вот как эта ситуация раскрывается в апокрифическом евангелии от Филиппа [стих 26] в переводе М.К. Трофимовой [1989]»⁹:

“Иисус овладел ими всеми тайно. Ибо он не открылся таким, каким он был [воистину]. Но он открылся так, как [можно было] видеть его. Так [им всем] он открылся: он [открылся] великим – как великий, от открылся малым – как малый, он [открылся] ангелам – как ангел и людям – как человек. Поэтому его Логос скрыт от каждого. Некоторые видели его, думая, что видят самих себя. Но когда он открылся своим ученикам в славе на горе, он не был малым, он стал великим. Но он сделал великим учеников, чтобы они могли видеть его, великого. Он сказал в тот день на евхаристии: О тот, который соединил совершенство и свет с Духом святым, соедини ангелов с нами, образами”.

Отметим здесь, что на занятиях русского Ордена тамплиеров подчеркивалось обращение Иисуса к его “тайным ученикам” – особо доверенным последователям. Может быть, именно из-за тайной формы передачи знания мы так мало знаем теперь о становлении христианства. Но зато так много пишется об этом теперь – в попытке разгадать утерянную тайну».

В 1995 г., в своей статье «Христианин ли я? Как возможна личностная теология?»), Налимов, опираясь на мнение и западных, и российских исследователей, поддержал гипотезу о том, почему до нас вообще дошла обнаруженная в 1945 году гностическая Библиотека Наг-Хаммади, изначально хранившаяся, судя по всему, в одном из «пахомианских» монастырей христианизированного Египта: «Афанасий Великий написал Пасхальное послание, направленное против еретиков и апокрифических книг... Вероятно, после этого владелец и решил избавиться от поставленной теперь вне закона библиотеки».

Как мы теперь видим, это «избавление» в виде закапывания рукописей в землю в глиняных кувшинах, пошло нам всем только на пользу, ибо в противном случае Библиотека была бы попросту уничтожена, а ее владельцы-монахи – подвергнуты репрессиям, совершенно неизбежным ввиду окончательной «победы» в 3-4 вв. ортодоксально-ересеологического, вторичного по природе своей, христианства. Но и вне контекста Библиотеки Наг-Хаммади гностические и пост-гностические представления в виде т.н. пережитков и «народных ересей» типа богомилства оказалось уничтожить не так-то просто. Здесь Налимов упоминает, в частности, заслуги петербуржца Алексея Аркадьевича Синягина (1905-1938).

«Однако все это не исчезло из глубин человеческой природы. А. Синягин – самобытный и талантливый мыслитель, погибший в ГУЛАГе совсем молодым, попытался показать двумирье русского христианства, уходящего корнями в Средиземноморье: “...борьба двух православий – византийского и народного – была чрезвычайно упорна, и вплоть до XIX века, века цветения русской культуры, нельзя было еще сказать, за кем в сущности осталась победа ...”».

Развивая свою мысль, Налимов напоминает читателям о том, что ересеология, по крайней мере, в XX столетии, была отнюдь не только ортодоксальной, т.е. негативной. Так, чуть ниже он пишет о совершенно уникальном и, к сожалению, так и не осуществленном проекте Синягина:

«По Синягину, живые родники евангельского христианства надо искать не в господствующей церкви, а в сектах и ересях. Он собирал материал для общей истории христианских сект и ересей, от гностиков и Маркиона и до русских духоборов. К сожалению, этому в высшей степени интересному замыслу не суждено было осуществиться. И движение мистического анархизма, к которому принадлежал Синягин, было лишь этапом в этой продолжавшейся борьбе. А. Синягин был расстрелян».

Самое, пожалуй, важное в рамках обсуждаемой сегодня темы для нас то, что Налимов не рассматривает гностическую доктрину исключительно «саму по себе». Для него – и в этом с ним невозможно не согласиться – гностицизм заключает в себе дух подлинного, раздавленного позже церковью христианства, а его христология в строго равной степени и божественная, небесная, и земная, в т.ч. человеческая.

«Мир не был создан самим Богом. Миром управляют ангелы – демиурги или демоны изначальной Тьмы. Спасение человека заключается в освобождении от их власти. Так коротко можно сформулировать концепцию сотворения мира, общую для всех гностических школ... Закон Моисея дан не Богом, а ангелами (= архонтами – А.М.), управляющими миром... Христос был первым, кто проповедовал Неведомого Отца. Бог Моисея – познаваемый, он не был Отцом Христа... Христос является воплощением всего Света, смешанного с материей, он – страдающая форма Первого Человека. Отсюда учение о «страдающем Иисусе». Он рассеян во всех творениях и больше всего в растениях – пассивных и невинных формах жизни...»¹⁰.

Судя по всему, под «Богом Моисея» Налимов имеет в виду не «бога Пятикнижия», в котором присутствуют, вообще говоря, два бога, Элоим и Яхве, но только Яхве, с которым Моисей «лично общался».

Для Налимова гнозис – это не знание само по себе, а знание, призывающее к бунту, причем к бунту, пронизывающему все планы бытия и единственному несущему освобождение.

«Концепция знания позволила гностикам глубоко проникнуть в природу власти. Власть нужна демоническим силам для охраны незнания. Космос устроен как большая тирания с хорошо развитой бюрократией. Иальдобаоф – властитель Земли – охраняет своей властью незнание людей. Изгнание Адама и Евы из рая интерпретируется как наказание за попытку узнавания: Змея у гностиков – символ Знания. Какими глубокими провидцами оказались гностики – вся история Европы показывает, что самые сильные и жестокие проявления власти возникали тогда, когда нужно было охранять сформулированное в догматах незнание... Знание, истинное знание – это призыв к бунту, к дерзкому восстанию против космической власти, против всего фатализма судьбы. Это борьба за космическую свободу – новые эсхатологические чаяния...»¹¹.

К собственно гностической проблематике Налимов неоднократно обращается и в своей второй официально изданной в СССР (1989) сугубо философской книге «Спонтанность сознания» (ранее все «гностические» пассажи были вымараны советской цензурой из его более ранней, 1980 года, книги «Вероятностная модель бессознательного»). Вот наиболее яркий пример такого обращения в тексте «Спонтанности сознания»:

«Кажется, во всех мифологиях прошлого мы находим демонов, порождающих злое начало жизни. Нам известна одна попытка построить мифологию зла наших дней. Но на этом вопросе останавливаться мы не будем. Представляется философски значительно более содержательным взгляд на природу человека, отраженный в одном из гностических текстов. Для гностиков было характерно говорить о душе как о женском начале, поскольку она рассматривалась как местилище, оплодотворяемое различными силами. В тексте "Экзогега (толкование) Души"¹² мы читаем:

"Мудрые люди прошлого дали душе женское имя. Действительно, она женственна и по своей природе. У нее даже есть лоно. До тех пор, пока она была вместе с Отцом, она была девственна и [существовала] в форме андрогина. Но когда она сошла в тело и оказалась в этой жизни, она попала в руки многих разбойников. Одни домогались ее [силой], другие делали то же, соблазняя ее подарком. Короче, они загрязнили ее, и она [...] девственность. И в своем теле она торговала собой, отдаваясь одному и всем, считая своим мужем каждого, кого готова обнять. Итак, когда лоно души, по воле Отца, обратится внутрь себя, оно получает крещение и немедленно очистится от внешнего осквернения... И таким образом очищение души восстановит [обновит] ее прежнюю природу и обновит ее вновь. Это и есть ее крещение"».

«Мы видим здесь, – отмечает, толкуя процитированный им гностический трактат Василий Налимов, – мрачное и, пожалуй, даже несколько циничное описание природы души, соответствующее негативному отношению гностиков к жизни на Земле. Тексты гностиков обычно нарочито неясны – они по самому своему замыслу должны нести скрытый смысл, нуждающийся в творческой интерпретации. Однако сказанное выше о душе нам представляется достаточно прозрачным: падшая душа – приемник смыслов; смыслы приходят в нее извне – как обман, как соблазн, как насилие, хотя она сама ищет их; обновляясь, душа очищается от смыслов, получает крещение и возвращается к своему

изначальному состоянию. Итак, мы видим, что и у истоков христианства было сопротивление как смыслу, так и спонтанности их появления».

Чуть ниже (там же), Налимов пишет о гностической экзегезе природы зла. Прежде, чем процитировать его мысль, отметим, что понятия «Демиург» и «Протоархонт Иалдабаоф» в гностических текстах – это всё же разные понятия, и слово «Демиург» не имеет в аутентичных текстах гностиков негативной коннотации (а имеет таковую лишь у ересеологов, очевидно, не понимавших, что слово «Демиург» используется гностиками редко и в сугубо платоновском контексте).

«Отметим, – пишет далее Налимов, – что по представлениям гностического христианства наш Мир был сотворен не Богом, а отчужденным от него Демиургом. Отголоском этого представления оказался миф о восставшем ангеле Люцифере. Это все попытки понять природу зла. Активности, порождающей неизбежно зло, противопоставлялось успокоение, смирение, отшельничество. Здесь все перекликается с буддийской мыслью, открывающей путь преодоления страдания»¹³.

Рассматривая в «Канатоходце» гностический бэкграунд российских мистиков-анархистов периода заката НЭПа, Налимов проявляет и известную осторожность как в своей оценке якобы строго гностического происхождения инициатических «легенд» мистиков-анархистов, так и в том, что он не берет на себя смелость дать «окончательное и бесповоротное» определение гностицизма, которое совершенно не совпадает у разных исследователей гностической проблематики. Налимов говорит лишь о «самом широком понимании» этого термина. Он пишет:

«Существенным является и вопрос о том, в какой степени *легенды* отвечают сохранившимся материалам христианского гностицизма... Думается, что общая настроенность легенд *отвечают* гностическому мышлению, но, наверное, не более того, хотя бы уже в силу сказанного выше о возможном изменении легенд во времени... Трудность в ответе на поставленный вопрос состоит еще и в том, что нелегко отчетливо сформулировать представление о сущности гностицизма. В самом широком понимании он представляет собой христианизацию и в то же время эллинизацию всего многообразия средиземноморских культур». (Курсив в первом предложении наш.)

В примечании Налимов добавляет:

«Эллинизация, поскольку у гностиков грех – не непослушание (падение Адама), а незнание самого себя»¹⁴.

Эта мысль развивается Налимовым применительно к XX веку и к России в частности в главе «Противостояние государственной власти и Православию»:

«Несмотря на всю широту гностического учения, противостояния, и притом иногда суровые, всё же возникали и в далеком прошлом, и в близкие нам дни. Одним из них оказалось противостояние Православию, исторически сложившемуся еще в Византии. Последующее описание этого противостояния может пролить больший свет на природу гностического христианства, чем попытки описать его по многочисленным первоисточникам. Если хотите, такой подход можно назвать апофатическим – он раскрывает природу гностицизма с позиций того, чем он не является. Естественно, что эта проблема будет раскрываться, главным образом, через различие в прочтении канонических текстов»¹⁵.

И здесь автор, что очень для нас особенно важно на современном, начала XXI века, этапе собственно российской истории, который сам Налимов уже не застал, обрисовывает

четыре важных аспекта, или принципа, противостояния гностического христианства более поздней христианской ортодоксии. Это принцип делания, принцип противостояния первоисточников, принцип отношения к власти и, наконец, выход за пределы первоисточников.

«(1) Принцип делания. Гностическое христианство традиционно принимает принцип ДЕЛАНИЯ как стремление к справедливости, естественно, к социальной справедливости. Это следует и из прочтения канонических Евангелий. Вспомним хотя бы притчу о смоковнице, не давшей плода... Православие же ограничивается только молитвой – Молитвой за всех. Но достаточно ли этого?»

Такой риторический вопрос задает автор и сам же ниже отвечает на него, впрочем, прибегая, на мой взгляд, к спорным утверждениям, из которых можно сделать вывод об абсолютной инородности внутрироссийского православия XX века современной ему новой, советской ментальности (хотя сама история РПЦ, начиная, как минимум, с сентября 1943 года, когда ее де-факто возглавил сталинский полковник НКГБ Георгий Карпов, ставит под сомнение эти аргументы В.В. Налимова). Спорна также, на мой взгляд, мысль автора о том, что гностики-анархисты, как и левые эсеры, по сути, поступили правильно, фактически признав большевистский Октябрьский переворот 1917 г. и войдя в состав еще самого первого советского ВЦИК (что не помешало большевикам в течение последующих 20 лет, с лета 1918 по осень 1938 года, тотально ликвидировать их «как класс», что вряд ли можно считать неожиданностью). Итак, Налимов пишет:

«Православие же ограничивается только молитвой – Молитвой за всех. Но достаточно ли этого? В отличие от Православия, гностическое христианство в трагические дни революционного конфликта попыталось включиться в борьбу, объявив о новом движении – мистическом анархизме. Представители этого направления, *не побоявшись запятнать свое имя* (курсив мой – А.М.), вошли во ВЦИК. Но почему никто их иерархов Православия не признал революцию совершившимся фактом и не вошел во ВЦИК (хотя бы в роли наблюдателя) для смягчения террора?»

Но противостояние гностицизма и ортодоксии, конечно, это не только и не столько социальное, сколько метафизическое противостояние. Так, чуть ниже Налимов отмечает:

«(2) Противостояние первоисточников. Великое учение Христа, по существу, вневременное (т.е. инвариантное ко множеству культур) дается нам в церкви через призму одной – древней культуры. Это придает учению отпечаток глубокой *архаики*, отчуждающей от христианства многих интеллектуалов. Отчуждению способствует и то обстоятельство, что между Ветхим Заветом и Евангелием часто проявляются противостояния. Гностицизм еще во время своего возникновения пытался выйти за пределы национальной ограниченности, отказываясь от Ветхого Завета как от примитивного (в мировоззренческом плане) толкования истории одного народа. В гностическом преломлении христианское учение приобрело в значительной степени космополитический характер».

«Гностики не принимали Ветхий Завет и скептически относились к Новому Завету», – напоминает далее Налимов, имея в виду, очевидно, относительно поздних гностиков, поскольку во 2 веке ни о каком Новом Завете еще и речи быть не могло, ибо ортодоксальный канон священных текстов только начинал формироваться, а лежащие в его основе трактаты (вроде т.н. «Маркионова Евангелия», послужившего прообразом «Луки») только начали фальсифицироваться зарождающейся Церковью, чтобы позднее быть включенными в Новый Завет.

«Причиной [этого неприятия] было существенное расхождение в исходных позициях. Бог у гностиков был отчужден от судеб этого мира. С ним связывались такие эпитеты, как неразрушимый, существующий без имени, невыразимый, сверхнебесный, незыблемый, непознаваемый, несуществующий. Утверждалось, что Спаситель, неся свою миссию, существует с изначальных времен в разных проявлениях... Человек только странник в мирах; земля одно из его убежищ. Особое – метафизическое – значение придавалось *знанию* как пути духовного подъема. Удивителен язык гностицизма. Для него характерна символическая форма выражения мысли с помощью аллегорий, мифов или легенд, а иногда и поэтическая, содержащая философские образы. Особенностью языка гностицизма является создание новых метафор. Берутся слова обыденного языка – такие как Молчание, Ум, Пучина, Заблуждение, и им без дополнительных разъяснений придается иной, совсем особый смысл. Как всё это отлично от того, что мы считаем Христианством!»

Стоит отметить, что в России так и не сложилась традиция (нео)гностической экзегезы Нового Завета, однако это не значит, что сама тема критики новозаветной традиции не поднималась в этой стране вовсе. По всей видимости, именно в среде мистиков-анархистов присутствовали отдельные элементы такой критики, о которой Налимов пишет в общих чертах следующее:

«В обновленном – русском гностическом Христианстве также рекомендовалось критически относиться к каноническим Евангелиям. Сейчас, скажем, трудно воспринять утверждение «У вас же и волосы на голове все сочтены» (Мф 10.30; Лк 12.7). Этот крайний детерминизм не соответствует представлениям наших дней. Трудно представить себе Бога в виде гигантского компьютера, считающего наши волосы. Трудно нам также понять, почему надо считать прелюбодеянием вступление в брак с разведенными (Мф 5,32; Мк 10,11,12; Лк 16,18). Это, по-видимому, уступка культурной традиции тех дней. Можно много привести подобных примеров. Важно здесь и другое – дать интерпретацию того, на что принято закрывать глаза. Пример: Православие считает греховным говорить о метемпсихозе – но указание на него есть в Евангелии от Иоанна (9,1-2), где звучит мысль о том, что слепой мог согрешить еще до рождения, т.е. в прошлой жизни. Тему метемпсихоза мы уже обсуждали ранее».

Добавлю, что в Новом Завете на метемпсихоз в явной форме указано еще как минимум один раз: когда у Матфея упоминается Иоанн Креститель как «Илья, которому должно прийти» (Мф 11,14). Кроме того, и в гностических текстах, например, в ключевом для гностиков второго – начала четвертого вв. трактате «Апокриф Иоанна», одних только коптских переводов которого до нас дошло четыре, сказано (обобщая разные варианты Апокрифа), что «кто будет следовать Учению, *того не бросят в иную плоть*». Уже в четвертом веке о метемпсихозе упоминается и в гностическом тексте Pistis Sophia.

Принцип отношения к власти, хотя и зависим напрямую от только что описанного противостояния источников, имеет, разумеется, и сугубо социальное измерение. Более того, вопрос о том, как относиться к государственной власти (к слову, до недавнего времени – почти повсеместно в мире в той или иной мере деспотической), выходит за рамки противостояния гностицизма и ортодоксии, поскольку в ряде частных случаев и ортодоксальные церкви негативно относились к государственной тирании (хотя это было, скорее, исключением из правил). Впрочем, не будем отвлекаться и вновь предоставим слово Василию Налимову:

«3) *Отношение к власти* – один из примеров противостояния Ветхого Завета Новому учению (если его очистить от некоторых чуждых ему вставок). Итак, каждый христианин стоит перед дилеммой: принимать беспрекословно любую власть или отвергать сам

принцип насилия. Православие отождествилось с русской державой как таковой – как прежней, царской, так и постреволюционной, когда она еще была воинственно атеистичной. Гностическое христианство, раскрывшееся в России в 1917 году, оказалось под знаменем мистического анархизма. Спокойно рассуждая, можно сказать, что оба прочтения исходных текстов возможны. Выбор определяется духовным уровнем выбирающего. Примечательно, что слово *коммунизм* – на знаменах как большевизма, так и анархизма. Семидесятилетний опыт показал, что у избравших путь целенаправленного убийства этот лозунг быстро выродился в личину».

Далее Налимов касается весьма спорного вопроса о том, являлось ли раннее христианство вообще и гностицизм в частности неким провозвестником коммунизма. На мой взгляд, идеи равенства и нестяжательства в раннем христианстве, о которых быстро позабыла дорвавшаяся до политической власти церковь, рассматривались как часть духовного делания именно практикующих христиан, а не как призывы к населению в целом совершить социальную революцию, учитывая то очевидное обстоятельство, что первоначально христианство позиционировало себя как учение, которое «совершенно не от мира сего». Другое дело – пост-гностицистские и антицерковные «ереси» европейского средневековья, где макросоциальная составляющая была куда более очевидной. О них, в частности, чуть ниже пишет и Налимов:

«Слово *коммунизм* теперь стало бранным. Но не надо забывать, что этот утопический образ заложен в основе христианства. Напомним здесь лишь одну фразу из проповеди Христа: Продавайте имущества ваши и давайте милостыню (Лк 12,33). Кажется, все гностические по своему происхождению ереси в Европе проходили под знаком равенства, братства и свободы. В раннем гностицизме известно сочинение “О справедливости”, приписываемое Епифанию... Вот что о нем говорится в книге Курта Рудольфа [1977]: “Автор сочинения раскрывает образ гностического коммунизма и показывает, таким образом, какая взрывная [социальная] сила была заложена в гностическом мировосприятии”... Заряд долго блуждал по Западной Европе, пока, наконец, не взорвался в полную силу в России, где в качестве детонатора использовалась пришедшая с Запада идея диктатуры пролетариата».

Говоря о следующем принципе, т.е. о «выходе за пределы первоисточников», Налимов несколько отвлекается от гностического дискурса, воздавая должное русской идеалистической философии, которая в подавляющем большинстве случаев так и не стала «своей» для православной церкви в России. Не говоря о том, что и философии как таковой в России, в отличие от Европы, долгое время попросту не было. Вновь слово автору:

«4) *Выход за пределы первоисточников.* Православие в своем стремлении сохранить чистоту вероучения настороженно относилось к секуляризации. И тем не менее история русской философской мысли – это в значительной степени секуляризация Православия. Вспомним здесь хотя бы такие имена, как Ф. Достоевский, Л. Толстой, В. Соловьев, о. С. Булгаков, о. П. Флоренский и многие другие... Секуляризация, естественно, приводила к конфликтам с Церковью той или иной степени серьезности. За последние десятилетия эта нить русской мысли порвалась – может быть, из-за того, что общегосударственная цензура стала существенно строже. А может быть, в связи с тяжелой духовной атмосферой иссяк и духовный импульс?»¹⁶

Последний вопрос, конечно, сугубо риторический, хотя в тексте книги он, кажется, и замаскирован под обычный. Мне, например, видится несчастливым то обстоятельство, что в ранние 90-е годы, когда степень свободы совести и вообще уровень гражданских свобод и в России, впервые в ее истории, были весьма высоки, Налимов, путешествуя по западным странам, в своем «Канатоходце» положительно отзывался в смысле наличия

духовных поисков, помимо самой России, лишь об одной стране – о Нидерландах, где уровень прав и свобод личности в последние лет 40-50 объективно является одним из высочайших в мире. Это и неудивительно. Ибо не может быть никакой «духовности» в деспотической и клерикальной стране. И никакого высокого Гнозиса в ней тоже не приживется: деспотия – это всегда архонты (от греч. *archon* – «управитель»).

Налимов, который был вскормлен в немалой степени и русской культурой, отмечает вклад русской философии в развитие софиологии, которая изначально зародилась именно в недрах античного гностицизма, причем именно драме Софии почти целиком посвящен самый обширный (383 страницы коптского папируса) сохранившийся гностический текст – *Pistis Sophia*. Василий Васильевич пишет в этой связи:

«До сих пор мы говорили о резком противостоянии Православия и гностицизма. Но это противостояние несколько смягчается тем, что не в Православии самом, а в его философской секуляризации шло что-то очень похожее: русское учение о Софии также было мифологической моделью космогонического звучания»¹⁷.

Ересеологи-ортодоксы были склонны преувеличивать количество гностических учений и школ. Весьма спорными представляются приводимые ими «свидетельства» о «сифианах», «барбелоитах», «офитах» и т.п. Однако Налимов, говоря о гностицизме как о гетеродоксальной традиции, упоминает школу, в которой немалое разнообразие взглядов на мир действительно имело место – о валентинианах:

«Но вернемся к гностицизму. Там даже в пределах одного направления допускалось множество ветвлений, не конфликтующих друг с другом. Так, скажем, для одной из широко известных школ гностицизма – Валентинианцев – даже в сохранившихся сейчас источниках можно найти много независимых версий, далеко отклонившихся от учения основателя школы. Иринеи писал об этом направлении: “Каждый день каждый из них изобретает что-то новое, и ни один из них не оценивается высоко до тех пор, пока он не проявит своей активности в этом направлении”»¹⁸.

Мой рассказ о Василии Налимове как гностике подходит к концу; и сейчас – небольшой эксклюзив, пока нигде не опубликованный даже в Интернете. Вот что говорила 13 апреля 2013 года жена Василия Налимова Жанна Александровна Налимова-Дроганова на Международном симпозиуме «Пути Гнозиса», последний день работы которого проходил в Москве в Булгаковском доме.

«Василий Васильевич Налимов упоминает о гностиках в разных своих философских работах, и он к гностицизму относился, естественно, очень серьезно, и не мог не относиться к гностицизму серьезно, потому что по корням он был коми, а отец его был настоящим шаманом, и для него целостность мира была естественна, поэтому он и в науке всё время объединяет восток и запад, рациональное и иррациональное. Его даже цитировать не разрешали оттого, что его ссылки в научном плане были просто недопустимы. Что в разных своих работах он говорил о Гнозисе? Здесь важно то, что, действительно, в этой Школе мистического анархизма он провел десять лет, он был посвященным рыцарем, но в 20-е годы всё было уничтожено. И они придерживались древней традиции, основанной на христианском эзотеризме, то есть опирались на гностицизм... То есть он один из первых в нашей стране открыто сказал о том, что гностицизм – это мировоззрение, и он на самом деле был апологетом гностицизма. У Василия Васильевича в еще неопубликованной книге “В прошлом и в настоящем” есть глава о Гнозисе».

Речь шла о книге, над изданием которой сейчас трудится сама Жанна Александровна и еще несколько энтузиастов и та самая «гностическая глава» из которой только что опубликована в сборнике «Россия и гнозис...»¹⁹.

Философские книги Налимова («Вероятностная модель бессознательного», «Спонтанность сознания», «Реальность нереального», «Облик науки», «Разбрасываю мысли: в пути и на перепутье», «Канатоходец», «Искушение Святой Руси» и «На грани третьего тысячелетия» и др.), которые почти все, разумеется, вышли либо во время позднесоветской «гласности» 1988-91 гг., либо в тогда еще свободной, «ельцинской» России, давно распроданы в книготорговых сетях и книжных лавках, и купить их можно разве что в Интернет-магазинах, как правило, уже за немалые деньги, даже несмотря на то, что некоторые из них переиздавались (например, «Спонтанность сознания» в переиздании 2007 года стоит от 550 рублей и выше). И мне, в завершение моего доклада, остается лишь призвать вас, дорогие друзья, к тому, чтобы, в том числе и вашими читательскими стараниями, выходящая вскоре книга Василия Налимова «В прошлом и в настоящем» быстро стала такой же библиографической редкостью.

Алекс Мома

1 августа 2015 г.,

Санкт-Петербург.

ПРИМЕЧАНИЯ.

1. Глава из этой рукописи, из которой взята цитата, впервые опубликована лишь в июле 2015 г. См. «Россия и гнозис. Труды Международной научной конференции “Раннехристианский гностический текст в российской культуре” в ВГБИЛ им. М.И. Рудомино 21.01.2011 г. / Отв. ред. А.Л. Рычков. Т. I. – СПб.: Издательство РХГА, 2015 – с. 76, 77, 90, 91.

2. См. тж. более обстоятельную статью В. Багрянского о Налимове:

<http://archive.omway.org/nagualism/paraleli/Nalimov/nalimov.html?q=nagualism/paraleli/Nalimov/nalimov.html> .

Это весьма подробное и толковое исследование, впрочем, не лишено и некоторых бездоказательных (в буквальном смысле, т.е. никак не подтвержденных ссылками) утверждений, например, о том, что «русские анархомистики осознанно и последовательно противостояли идеологии и практике ОТО» Теодора Ройсса и Алистера Кроули.

3. Налимов В.В. Канатоходец. – М.: Издательская группа «Прогресс», 1994. С. 305.

4. Там же, с. 308–309.

5. Там же, с. 324.

6. См.: Орден российских тамплиеров / Публикация, вступительные статьи, комментарии, указатель А.Л. Никитина. В 3 тт. – М.: Минувшее, 2003. Т. 2.
7. См.: 500 лет гностицизма в Европе. Материалы конференции 26-27 марта 1993 года. Изд-е 2-е, исправленное. – М.: Рудомино, 2001. С. 43.
8. Канатоходец, с. 316.
9. Налимов цитирует один трех из ключевых гностических текстов (все они, как по заказу, были собраны именно во II Кодексе Библиотеки Наг-Хаммади). См.: Апокрифы древних христиан: Исследование, тексты, комментарии / Акад. обществ. наук при ЦК КПСС. Ин-т науч. атеизма; Редкол.: А. Ф. Окулов (пред.) и др. — М.: Мысль, 1989. С. 131.
10. Налимов В.В. Вглядываясь в далекое прошлое. Ркп. 1976 г. См. «Россия и гнозис» (выходные данные – в Прим. 1), Т. 1, с 84, 85, 90.
11. Там же, с. 94.
12. Гностический текст цит. автором в пер. с англ. яз. по: The Exegesis of the Soul... Thranlated by William C. Robinson // The Nag Hammadi Library in English / Ed. by James M. Robinson. – L.A., 1977 (1st edition). В переиздании 1996 г. англ. перевод опубликован на стр. 192–198. См. тж. пер. с коптского Марианны Трофимовой по изд.: Трофимова М.К. Историко-философские вопросы гностицизма (Наг-Хаммади, II, сочинения 2, 3, 6, 7). – М.: Издательство «Наука». Главная редакция восточной литературы, 1979, с. 188 и далее. См. тж. тот же текст в переводе Александра Хосроева в изд.: Хосроев А.Л. Александрийское христианство по данным текстов из Наг Хаммади (II, 7; VI, 3; VII, 4; IX, 3). – М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991, с. 205 и далее.
13. Налимов В.В. Спонтанность сознания. Вероятностная теория смыслов и смысловая архитектура личности. – М.: Прометей, 1989, с. 121, 144.
14. Канатоходец, с. 314.
15. Там же, с. 317–318.
16. См. вновь «Канатоходец». Четыре принципа, о которых идет речь и описание которых частично процитировано здесь, изложены в этой книге на стр. 318–323.
17. Там же, с. 323–324.
18. Там же, с. 323.
19. «Россия и гнозис» (выходные данные – в Прим. 1), Т. 1, с. 75–96.